

За закрытыми дверями было душно. Густой воздух, пропитанный благовониями сдавливал горло и резко щекотал нос. Жар огненных всполохов от настенных факелов и пламени вокруг алтаря медленно расплывался по помещению, обволакивая. И хотя главный зал был довольно просторным, казалось, с каждой минутой стены сужаются, зажимаясь капканом.

Бай Лао не знал ничего о ритуальных наказаниях. Он знал, как унижительны бывают оплеухи, как больно гречка впивается в колени и как горит кожа от хлестких ударов тонкого ивового прута. Он знал о ритуалах поклонения и почитания, о проклятиях. Обо всём этом он знал по отдельности, но едва ли мог собрать воедино.

Звон золотых нагрудных пластин мелодичным эхом рассыпался по залу, как рассыпаются драгоценные бусины порванного ожерелья, и на мгновение воцарилась тишина. Фэн Ся вошёл плавной походкой, гордо держа спину прямо. Взгляды всех присутствующих были обращены на него, и любое проявление слабости не осталось бы незамеченным. Тем не менее, он позволил себе едва заметно коснуться плечом замершего в напряжении брата, медленно проходя мимо. Обведя взглядом собравшихся, он остановился перед пылающим алтарём, и если присутствие Бай Лао, пленного ребёнка-полукровки, прислуги, и вызвало у него удивление и недовольство, ничто, кроме мимолётного дрожания зрачков, не выдало его. Почтительно поклонившись отцу, их взгляды встретились, и языки алого пламени схлестнулись в подавляющем всё на своём пути пожаре.

Фэн Ся стоял, расправив плечи. Молодая, ещё подростковая стать, как упругая тетива воинского лука, готовая к атаке. Острые черты лица, как лезвие кинжала, затаившегося в ножнах. Так выглядит человек, не принимающий свою вину, но готовый с гордостью принять наказание по приказу своего господина. Так выглядит человек, готовый сломать кого угодно.

Даже самого себя.

В тишине просторного зала не раздавалось ни слова. Лишь трещали угли вокруг алтаря, иногда рассыпаясь искрами. Фэн Ся, раздевшись до пояса, молча отдал одежды такому же молчаливому адепту, совсем юному, не смеющему поднять глаз ни на князя, ни на молодых господ.

Фэн Ся не был мужчиной. Пока, нет. Из тела ещё не ушла юношеская угловатость; мышцы не налились стальной силой и упруго перекачивались жгутами под гладкой кожей оттенка тёплой бронзы. Фэн Ся — истинный сын пустыни — пройдёт не так много лет, и молодая песчаная насыпь превратится в величественный, обласканный жарким солнцем бархан.

Воздух вокруг, жаркий и липкий от благовоний, кружил голову, струился по коже и сжимал горло, рождая где-то внутри комков колкого кашля. Фэн Ся терпел, боролся с приступами фантомного зуда, растущего где-то на краю сознания. Так, в самой глубине души, зудят подавленные обиды, страх и разочарование.

«твой драгоценный брат»

Драгоценный. Так Фэн У назвал его. Опускаясь на колени перед пылающим пламенем алтарём, Фэн Ся перекатывал это слово на языке. Оно оставляло после себя горький привкус полынного отвара и скрип пустынного песка. Использовал ли отец именно это слово намеренно, одним точным ударом отсылая к титулу единственной женщины, посмевавшей пойти против него[1]? Случилось ли это неосознанно в гневе? Фэн Ся понимал, что задаёт глупые вопросы, пускай и самому себе. Правитель должен обращаться со словами не менее искусно, чем с воинским клинком.

За спиной послышался шорох тяжёлых адептских мантий, и уже в следующий миг на глаза опустилась плотная чёрная ткань. Тёмная тишина окутала тело и душу. Она поймала Фэн Ся в тиски как беспомощного зверька. Он, вдруг, стал одновременно таким маленьким и таким большим, растворяясь во тьме её бесконечности.

«скажи мне, Фэн Ся, ты ослеп?»

Фэн Ся усмехнулся. Конечно, отец ничего не говорит просто так. Обострившийся слух уловил в тишине нервное придыхание Фэн Су, застывшего каменным изваянием где-то за спиной. Пальцы взволнованно сжались на складках штанов, и острое покалывание прошло ладони. Он знал, что будет дальше.

«или твои руки недостаточно крепко держат оружие?»

Звонкий шорох меча, покинувшего ножны, громовым раскатом разрезал тишину. Дуновение взмаха едва ощутимо приласкало щеку прежде, чем острие утонуло в пламени, разворошив раскалённые угли. Фэн Су вперил в него злобный взгляд. Металл накалится быстро, и чем больше он будет медлить, тем дольше его брат, в действительности, не сможет держать оружие, и груз собственной вины с каждым днём будет становиться всё тяжелее. Фэн Су не хотелось этого делать, он даже не был уверен, что справится, но смотря на прямую спину брата, на его расправленные плечи, решительность медленно растекалась по венам. Даже стоя на коленях, Фэн Ся своей молчаливой уверенностью помогал самому Фэн Су твёрдо стоять на ногах. У них обоих не было выбора. Они должны сделать это. Быстро. Как вправить выбитое плечо.

Стоять коленями на каменном полу не было больно или неприятно. Но время шло и постепенно лёгкое покалывание становилось ярче, поднимаясь по бёдрам, и, хотя в храме было душно, холод уже медленно подбирался к кончикам пальцев.

«или тебя подвела быстрота твоих ног?»

В любом случае, подумал Фэн Ся, лёгкое онемение — меньшая из его проблем. Отец вполне мог заставить его стоять на раскалённых углях.

Один из адептов, наконец, принёс кнут. Не длинный, всего в пару витков для удобства замаха. Его держали в густом масле целую ночь, и теперь оно тягуче капало на пол, блестя и переливаясь в огненных всполохах, покатые, как осколки, выброшенные на берег приливной

волной. Массивная рукоять из витой плотной кожи в подростковой руке Фэн Су смотрелась чужеродно. Бай Лао, неотрывно следя за ним, заметил как побелели его нервно дрожащие пальцы. Бай Лао помнил, как боялся его тогда, загнанный в угол, объятый пожаром. Тогда он видел перед собой жестокого мальчишку и думал, что тому это нравилось. Сейчас он смотрел на него и видел себя — ребёнка, поглощённого ужасом. Сколько жестокости в нём было его собственной? Сколько её досталось ему от собственного отца?

Кнут, свернувшись змеёй, лежал у его ног, и время замерло как отблески пламени в растёкшемся на полу масле. Поднесённый факел мгновенно прогнал яркое рыжее пламя почти до самой рукояти, и Фэн Су едва не разжал пальцы в порыве отшвырнуть его как можно дальше. Но под гневным взглядом отца, стиснув зубы, всё-таки смог совладать с собой.

Руки Фэн Ся, направленные одним из адептов, обхватили рукоять погружённого в пламя меча. Она пока не успела раскалиться, но уже была довольно тёплой, постепенно проникая навязчивым жжением всё глубже в кожу.

Бай Лао закусил губу и совсем неуважительно вцепился пальцами в шёлк ханьфу стоящей рядом Цин Юань, когда Фэн У, молча кивнув, повелел начинать.

Горящий кнут глухим взмахом вспорол благовонную густоту воздуха. Искры разлетелись десятками беспокойных светлячков, а детское сердце Бай Лао рассыпалось на десятки осколков.

Один

Первым, что почувствовал Фэн Ся был не удар. Огонь, смешанный с маслом, растёкся по коже, оставив после себя острое жжение. Длинный след красной полосой растянулся от последнего шейного позвонка до поясницы. Он пульсировал в такт ударам зашедшегося сердца, и Фэн Ся буквально чувствовал, как с каждой секундой он становится выше, бугрится и наливается ярко-алым. Первый удар даже не рассёк кожу — Фэн Су примерялся, понял он, рефлекторно сведя и разведя лопатки. Ему стоит бить сильнее, чтобы отец остался им доволен.

Два

Второй удар растянулся от правой лопатки почти до крестца. Он принёс с собой уже знакомый огненный укус и горячую липкую влагу, скользнувшую к пояснице. Едва уловимо запахло железом. Этот удар был сильнее и заставил Фэн Ся покачнуться, крепче хватываясь за раскаляющуюся рукоять меча — приваривая кожу по линиям резных узоров. Лишённый возможности видеть, он чувствовал в сотни раз острее — тонкие струйки крови, смешанной с густым горячим маслом; мелкие капельки пота, росой проступившие на висках, жар металла, мучительно медленно испаряющий тонкую кожу ладоней.

Боль не была острой. Она ныла, пульсировала, ревела как хищник, загнанный в угол искусным охотником. Она царапалась и кусалась, решительно нападавая. Она дышала в загривок хриплым голосом его брата.

Три

Третий удар прошиб ровно между лопатками и отчего-то заняло в груди, будто самый кончик кнута распорол тело насквозь. Рот наполнился вкусом жжёной меди, и капля горячего пота побежала от виска к нагретой чёрной повязке. Голову кружил запах благовоний, горящего масла и крови. Фэн Ся глотал вязкую слюну и плотно, до побеления, стискивал губы, борясь с приступом кашля, давя в себе, как мерзкого слизняка, желание закричать. Сердце набатом стучало, казалось, сразу везде — в пересохшем горле, в тяжёлой кружащейся голове, в распоротой хлёткими ударами спине, в коленях, затёкших, налившихся расплавленным свинцом.

Всего пять ударов, думал он, опускаясь перед пылающим алтарём. Он мог пройти пять ступеней храма за несколько секунд. Пять раз взмахнуть копьём на тренировке и даже не ощутить усталости. Зажечь пять палочек благовоний в уважении предкам и потерять их среди сотен других. Пять минут разговора с близким человеком пролетают за мгновение.

Всего пять ударов, думал он, как мало это должно было быть. Как много это, в итоге, оказалось.

Четыре

Кожа горела, пылала, плакала и сочилась багряными каплями и разводами вперемешку с маслом и потом. Боль текла водопадом с опустившихся плеч к пояснице. Раскалённый металл, зажатый в ладонях, казалось, добрался уже до самых костей. Ткань на глазах сделалась инородной, пропитавшись испариной. Ресницы, склеившись сдерживаемыми слезами, кололись, веки нестерпимо зудели.

Фэн Ся, упираясь коленями в каменный пол, почти не чувствуя ног, отчаянно старался держать равновесие. Болезненная горячка охватила его так резко, что захотелось согнуться и выплюнуть собственный желудок. Кровь тёмным гранатовым соком заструилась из носа, очертила губы и тяжёлыми каплями сорвалась с подбородка, разбиваясь об пол. Безмолвно. Оглушительно громко.

Пять

Последний удар ощущался как избавление. Как звонко лопнувшая струна. Как последний удар пронзённого в бою сердца. Как ласковые объятия матери, баюкающей дитя в колыбели.

Рукоять кнута гулко ударилась о каменный пол, огненная змея затухала последними всполохами, накормленная болью и кровью.

Грубая чёрная ткань исчезла, но темнота расступалась медленно, впуская людей и окружение постепенно. Фэн Су дёргано суетился, заглядывая в замутнённые глаза. Его собственные расцвели причудливыми переплетениями лопнувших капилляров, и слёзы блестели в них острыми осколками, не смея сорваться. Он что-то сбивчиво говорил, но Фэн Ся не понимал ни

слова.

Бездумно скользя глазами по душному залу, он встретил другой взгляд. Печальный, измученный, ошарашенный. Слезы в этих глазах были другими — неудержимыми, чистыми и искренними в своём горе. И если Фэн Су плакал о себе, о том, что ему пришлось совершить; то Бай Лао плакал о нём, о том, что ему пришлось пережить.

И в этом ужасном осознании было что-то прекрасное.

Фэн Ся надеялся, что ему удалось заставить губы изогнуться в улыбке прежде, чем темнота снова им завладела.

Комментарии и примечания:

[1] напоминание: мать Фэн Ся носила титул «гуйфэй» — «драгоценная»

<http://bllate.org/book/14934/1323640>